

Под заревом Победы

> Назар Лихолетов начал и окончил Великую Отечественную победителем

ПОСЛЕ ВОЙНЫ он заглянул в проволочно-штрипсовый, откуда был призван в Советскую Армию.

Идет по цеху в погонах буквально и «в погонах» по самооценке: «восемь лет отдал на алтарь Отечества», уходил мальчишкой, вернулся старлеем. Женщины смотрят на незнакомца сверху из кабин мостовых кранов. Крановщица, к которой он приближается, поддевает: «Чего смотришь?» – «Что у тебя поперек кабины на швеллере вырублено?» – «Какой-то Лихолетов». – «Это я. Мой кран. Покатай». Девчонка в ту минуту была без работы, прокатила над цехом в кабине. Понял он тогда: крановщиком ему больше не быть. По земле ходил без затруднений, но на высоте, да еще при движении или когда кран майнает, – его водит: сказала контузия.

Назар Лихолетов рожден в «боевом» восемнадцатом. Фамилию оправдал. Мальчишкой познал коллективизацию и раскулачивание. Призван за полтора года до войны. Как служил в 153-й стрелковой дивизии, так с ней и отправился на фронт. В Белоруссию в сорок первом они выступили на учения, и пока ехали, не знали, что война уже началась. Только замечали, что много эшелонов на станциях. Наконец и их остановили, выстроили буквой «П». Комиссар подходит с картой. Солдаты уже полтора года отслужили, поняли: дело обычное – политзанятия. А комиссар раскинул карту на кустах, велел двоим держать края, обвел указкой Германию: «Сегодня в четыре часа...» Назар Романович помнит, как его короткий солдатский ежик под пилоткой вздыбился от этого известия.

Война не заставила ждать встречи. Не доезжая до Витебска, эшелон попал под бомбежку. Выстрелы зениток и гул самолетов слышались давно, но пока бомбы не стали падать на станцию – все не верилось, что это по-настоящему. Казалось – учения. И только когда загрохотало вокруг и стали падать люди и лошади из артиллерийских упряжек – пришлось поверить. После бомбежки собрали оставшихся – и спешно в Витебск, где уже шло пополнение. А с фронта навстречу брели раненные – подавленные, без пилоток и обмоток...

Первый бой тоже не забылся. Кажется, было это восьмого июля, припоминает Назар Романович. Уральцы окопались у озера: артиллеристы – по одну сторону, пехота – по другую, и вскоре с той стороны показались немецкие части. Идут тучей – танки, танкетки, даже велосипедисты. Наших не видят, свернули к деревне и уже стреляют кур во дворах – хозяевами себя чувствуют.

Назар Лихолетов – артиллерист-наводчик. Перед ним сектор обстрела: четыре хаты. Солдаты ждут команды стрелять, но командование медлит: в деревне-то свои. Одна надежда, что в родном дворе каждый знает, куда спрятаться. Наконец дали команду на артобстрел. От огневого удара занялись пламенем хаты, немцы забегали, тут наша пехота подоспела – враг и технику побросал. «Хороший бой мы им дали!» – Назар Романович словно переживает его заново. Гнали немца километров семь, до бора, но там пришлось оставить противника. После еще разглядывали иноземную технику – немец ведь со всей Европы нагнал военную мощь. За ночь фашисты подтянули силы, пришлось отступить. Но первый бой для Лихолетова совпал с первой победой.

Однако и горечи поражения хлебнули. В Витебске в окружение попали. «Прорывались: только сунемся – он как даст-даст, мы – назад», – фронтовик и это переживает заново. Положили уйму людей, потеряли пропасть техники, но нашли лазейку в

сторону Смоленска. Вышли из окружения, переформировались, а Смоленск уже занят. И подступы к городу уничтожены – снаряды не подвезти. Над нашими частями «кукурузники» летают – легкими самолетами управляли женщины – листовки разбрасывают для укрепления духа бойца: «Смоленск был советским – и советским должен остаться». А комиссары уже набирают добровольцев город отбивать.

Многие написали заявление, фразу из которого знает вся страна: «В случае гибели прошу считать меня коммунистом». И Назар Лихолетов написал. В боях за Смоленск убитых и раненых было не счесть, но у него только небольшие ранения, отделался медсанбатом. А через время вызвали Лихолетова в штаб в сопровождении политрука. В штабе при-

нимали в партию тех, кто выжил в бою, – от генералов до рядовых. Так Назар Романович стал коммунистом в феврале сорок второго. Мог и четыремя месяцами раньше – если бы погиб под Смоленском. «Я и теперь коммунист», – подтверждает он на девяносто первом своем году. Партбилетов у него два: советский и российский – он не отрекся от убеждений после распада страны. «При советской власти родился, советской власти служил, советским остался». И дома на стенах вместе с портретами семьи – с десятком избображений Ленина.

А после Ельни он стал одним из первых гвардейцев: корпус, где служил Лихолетов, за битву переименовали в третью гвардейскую стрелковую дивизию – в числе первых. После звание гвардейских получили многие дивизии – так был отмечен коллективный героизм, в котором есть частица воинской славы солдата Лихолетова. И – солдатских

будней. Назар Романович вспоминает переправу через Днепр. Берега обрывистые, и людей-то незнамо как перевезти. А как быть артиллерии с орудиями на конной тяге?

Бойцы разделились и поплыли, держа скатку перед собой, на том берегу ровняли лопатами кручу, насколько возможно. А на этом артиллеристы хватали испуганных лошадей за хвост и гриву, сталкивали с орудиями в воду – глубина позволяла животным стоять и брести по дну. Тут новая беда: построжки при падении запутывались. Артиллеристы ныряли, чтобы освободить животных. Те понимали, позволяли прикоснуться к ногам, распутать под водой веревки.

На ходу додумались освобождать пристяжных: в воде орудие тащить полегче, коренники с бойцами сами справятся, и путаницы меньше. А на том берегу: «Раз-два, раз-два» – голышом, в грязи, с хрипом и крепким словом втаскивали орудия по крутизне вверх.

А еще были в его воинской биографии полтора года на Ленинградском фронте. Сначала высадка среди болот, где не спрятаться и где под обстрелом вручную, без эстакады снимали орудия с платформ. «Вот говорят: прорыв блокады. Как будто рванули – и прошли. А на деле не раз и не два прорывались, зубами вгрызались – и не выходило. А не так, чтобы раз – и прорвались».

Еще эпизод – второго года войны. Выбрали под огневую позицию косогор, чтобы блиндаж выкопать, с трудом ломая вгрызлись в землю. А за полмесяца, проведенных солдатами в обороне, зима перешла в весну, стал таять снег. Однажды вдоль длинного оврага под косогором зашумело – сначала с немецкой стороны, потом и с нашей, а вскоре все ближе от блиндажа к блиндажу послышалось: «Вода, вода!» И правда, вдруг потоком хлынула талая вода, в момент затопила орудия и блиндажи. Часа четыре бойцы и командиры на построжках и веревках вытягивали орудия – все вымокли, продрогли. Если не переодеться в сухое – на морозе смерть. Выход нашелся тут же: на другой стороне оврага – единственный из четырех не затопленный блиндаж. А что попасть в него можно только снова окунувшись в воду, так где наша не пропадала. Добрались, побросав на берегу мокрое, отогрелись в сухом натопленном блиндаже, еще и погоготали по-мужичьи, голышом-то. Тут сухую одежду подвезли. «И хоть бы кто чихнул назавтра, – удивляется Назар Романович. – А после войны – то радикулит, то ангина, куда та крепость делась?» Да еще после контузии оказалась повреждена слезная железа. Сколько ни лечили, глаза с той поры плачут. В последние годы и вовсе отказываются видеть: старый солдат едва различает контуры предметов.

Но Победу он запомнил в цвете. В тот день, восьмого мая, обе стороны уже знали о капитуляции Германии. Все ждали объявления об окончании войны, однако бои, кажется, только усиливались. И вдруг затихло по всему горизонту: немецкие и советские солдаты по приказу своего командования разом прекратили огонь. Это была ошеломляющая минута. Но только минута – вдруг с обеих сторон разом полетели вверх трассирующие пули и снаряды: обе воюющие стороны салютовали окончанию войны. Можно было видеть линию фронта – она озарилась по всему горизонту...

На груди старого солдата два ордена и дюжина медалей. За десятилетия после войны Назар Романович встречал разное отношение к фронтовикам – от уважительного до пренебрежительного. Ни то ни другое он не научился принимать равнодушно. Но есть такое, что выделяет его из нас – он стоял под заревом Победы ☺

АЛЛА КАНЬШИНА
ФОТО > АНДРЕЙ СЕРЕБРЯКОВ

> Для воевавших война никогда не кончается. Курцио Малапарте